

София Воронова

Родилась в 2003 году в Южно-Сахалинске, живет в Калининграде. Выпускница литературной программы «Ното legends. Человек читающий» в образовательном центре «Сириус», участница межрегиональной литературной мастерской АСПИ в Санкт-Петербурге. Студентка второго курса БФУ им. И. Канта по биологическому направлению, но всей душой любит литературу. Пишет прозу.

Живая очередь

1.

Горло было красным, как фруктовый лед со вкусом клубники.

В отпуск за свой счет не пускали, пришлось ехать в поликлинику. Такси, три метра пешочком, колючий шарф — винтовая крутая лестница вниз и два белых коридора, прежде чем доктор попросил сказать «а-а» и включил фонарик.

— Ну, здесь все понятно: тест на ковид отрицательный, температуры высокой не было, горло воспаленное, — отмечает он в карточке, прежде чем спрашивает. — Вы какое мороженое любите?

Она поправила шарф и просипела:

— Шоколадное... — грустно, мечтательно. Потом уточнила. — Простите?

Доктор посмотрел на нее, бегло, хитро. Его белый халат со временем застирался до крем-брюле — рукава были смяты сливочными волнами:

— Прописываю тогда вам мороженое, — сказал он, убедительно печатая на клавиатуре, так, что кнопки щелкали плитками шоколада, который ломали на маленькие кусочки, — каждый день по одной порции.

Она нахмурилась, собрала с силами, чтобы ответить. Стало возмутительно жарко — мороженое она и сама себе могла прописать.

— Оно же холодное, доктор, — сказала так, словно откусила давно заледеневшее, покрытое инеем ванильное.

Он посмотрел на нее, как на маленького ребенка, — дужка очков блеснула лимонным сорбетом:

— Правильно, снимет отек лучше всяких лекарств.

Она приподняла брови, подумала, что ей нечего возразить, и развязала колтун-узел, в который превратился шарф.

— Если вы богатая, то можете купить душ для носа, если нет — чайная ложка соли на чашку теплой воды, груша — и вперед.

Принтер медленно, нехотя распечатал назначения на вафельной бумаге. Доктор взял ручку, морскими волнами отметил нужное.

— Так, значит, здесь выписал лекарства, но вы их не покупайте, не нужно. Неделю постельный режим, мороженое — шоколадное, — подмигнул ей, — и промывание носа. Будете здоровая через неделю!

Она взяла выписку в руки, посмотрела на список лекарств, что покупала каждый раз, и подумала, что вообще-то давно не ела мороженое.

— Спасибо вам, — шмыгнула она носом и встала со своего места.

Шарф потянулся за ней, как дворовый полосатый кот. Доктор переложил ее тонкую карту в другую стопку.

— Снимает отек! — напомнил он ей, прежде чем закрылась дверь.

Пахло мятным санитайзером для рук и скорой весной.

— Шоколадное, значит... А эскимо так никто и не назвал за день.

Он встал, открыл окно — солнце медленно подъедало молочные су-грубы.

2.

В обмен на шоколадку с дробленным фундуком в регистратуре выдали рентген плеча без очереди. Недовольные бабушки впереди меня поворчали, но возмущаться особо не стали. Я опаздывал, а конфет на них предусмотрено не было — пришлось улыбаться.

В кабинете у невролога было светло и просторно — розовые стены, открытое нараспашку окно, зацветающий медовый орешник. Доктор посмотрела на меня и сладко улыбнулась, прежде чем поднесла рентген к окну.

— Посмотрите, здесь у вас сужена суставная щель, верный признак изнашивания сустава.

Я почти что ничего не видел — пожалуй, только тонкие, бархатные ветви орешника сквозь черную пленку, — но важно покивал.

— Спортом занимаетесь? — она постучала пальцами в золотых кольцах по столешнице и посмотрела на меня.

— Ну так, иногда, — соврал я. — Плавание люблю.

— Это хорошо, — если она что-то и уловила, то не подала виду. —

Расскажите, как болит?

Доктор встала, прошла к маленькой раковине, включила воду. Духи у нее были уверенные, стойкие, шоколадные; пожалуй, где-то на шестьдесят процентов — темные.

Я обернулся к ней, задумался. Задвинул пакет с елкой и снежинками (другого у меня не было), куда запихнул шампанское и конфеты — хотел подарить их позже, в конце приема:

— При нагрузке, знаете, так сильно схватывает. Неприятно очень.

Она прошла обратно, на свое место. Ее большие янтарные серьги напминали пастилу:

— А вы травмы получали?

Я вспомнил, что недавно падал с самоката.

— Слушайте, ну это точно не ко мне, — бегло и быстро сказала она. Вынесла вердикт быстрее, чем ребенок раскрывает конфетку. — Вам надо к хирургу.

— К хирургу?

Она быстро протянула карту, подписала заключение — рентген, как будто в фольге, моя фамилия, все как нужно, — и продолжила:

— Да, он на первом этаже. Спуститесь к нему, покажитесь. По живой очереди.

Я неловко встал. Стул чиркнул ножкой по белой плитке — пакет зазвенел зимой, шампанским.

— Ничего себе, доктор. Спасибо вам, — и ускользнул из кабинета, пряча за длинными ногами подарок — хирургу он пригодится больше.

Лестницу преодолеть было сложно — винтовая, узкая, доставшаяся больным в наследство от немцев, она хитро убирала ступени под ногами и скользила перилами. Хорошо, что болело у меня плечо, а не нога.

К хирургу было пробиться сложнее, чем в регистратуру, но я зашел только спросить, и сухой, скупой врач уже рассматривал мое плечо, приложив его к лампе.

— Что болит?

— Плечо, — ответил я.

— А вы мне что дали, молодой человек? — спросил он, спуская на нос очки в ореховой оправе — поджаренный фундук, не иначе.

— Рентген плеча? — с сомнением спросил я, вглядываясь в пленку на лампе.

— Какого плеча? — раздраженно переспросил доктор.

За плотно закрытым окном задул сильный ветер, такой протяжный, что его: — Это тазобедренный сустав, — прозвучало холодным воем.

Пакет чуть не выпал у меня из рук.

— В смысле — тазобедренный, вы что?

Мое возмущение было сильнее, чем горький взгляд доктора. Пришлось встать, подойти ближе. Он взял в руку карандаш, и тонкие грифельные линии незаметно сшивали мой здоровый тазобедренный.

— Видите, часть таза. Суставная впадина. Вопросы есть?

Были, но не к нему. Кажется.

— Мне доктор объясняла по нему, что у меня плечо больное.

— Какой доктор?

Я ненадолго задумался, прежде чем ответил.

— Невролог.

Доктор снял очки — схлопнул их так, словно щелкнул грецкий орех.

— Вот идите обратно к профессору неврологу и захватите с собой учебник, проверять за ней будете.

Плечо неприятно заболело. В заключении невролога было написано, что у левого тазобедренного — артроз первой степени.

Я вышел из кабинета, сел на лестницу, достал шампанское и с хлопком его открыл.

Шампанское, брызнув на лестницу, зашипело. От грозного взгляда уборщицы улыбка уже не спасла.

3.

Выудить талон к стоматологу было сложнее, чем поймать форель в Преголе, а в Преголе, если что, форель уже давно не водится.

Каждое воскресенье, в девять вечера она брала в руки ноутбук-удочку, надевала наживку длинными кольцами нулей — номер полиса, и ждала, пока клюнет.

Иногда озеро сайта было пусто — фамилии врачей печально свисали тонкими нитями-камышами. Иногда наполнилось рыбой — можно было даже выбрать время: 10:10 или 10:30.

В такой вечер ей удалось поймать большую, жирную добычу — удобный день, время, да еще и врач в клинической областной, не абы какой.

Талон висел приколотым к пробковой доске на кухне — две недели томился на солнце, пропитался ароматом карри и хорошенько проперчился, прежде чем она пришла на прием.

Коридор был темным и узким. Она сидела, отчего-то тревожилась, постоянно поправляла стеклянную сережку, что нехотя блестела, как большое озеро в тусклый день.

Женщина в бежевом вязаном свитере плавно подалась вперед, спросила быстро, бегло, так, что сначала она ничего не поняла, словно все слова утонули:

— А вы на переделку тоже?

Было душно, и ей показалось, что лицо женщины поплыло. Воском, маской — она моргнула и поняла, что у нее просто очень раздута щека. Рыба-капля, не иначе — подумалось, прежде чем она ответила.

— Что? — переспросила и снова коснулась уха. — Нет, я первый раз.

Женщина придвинулась ближе, села на соседнее место. Помолчала немного — взяла вежливую паузу, прежде чем продолжила:

— Вы представляете, пошла делать сюда зуб, взяла талон по ОМС. А она мне нерв выдернула, мало того, что из нормального зуба, так еще и у меня пол-лица распухло, — она убрала руку от щеки — театрально, напыщенно. — Видите?

— Какой ужас, — совершенно искренне заметила она.

— Я пошла к другому врачу, понимаете, уже платно. А он мне говорит: «Не имею права переделывать чужую работу!» Так вот, пришлось вернуться, меня сначала брать на прием не хотели, но я говорю им: сейчас такой скандал учиню, опухшая щека не помешает. Ничего, подсуетились, время сразу нашлось.

Она повернулась на глухой звук шагов, как будто бы все они были под водой.

— Здравсьте, — пробулькала молодая девушка, держась за щеку. — Кто последний на переделку?

Села рядом, достала телефон. Маникюр на тонких, аккуратных руках был от серого к рыжему — блестел, как чешуя карася.

— Вот видите? — подтвердила капля и довольно откинулась на ободранную спинку кресла.

Дверь кабинета открылась, и запахло хлоркой и чем-то соленым. Захотелось пить.

— Заходите, кто по талону, — она встала. Обернулась, посмотрев на каплю и карасика, и медленно прошла в кабинет.

Медсестра хищно улыбнулась, провела к креслу. Стены были голубыми, а сбоку висела картина: большая перламутровая стрекоза над озером. Компьютер сонно жужжал — клавиши мыши стрекотали в ответ на назначения.

Доктор поправила шапочку в камуфляж и ловко надела зеленые перчатки — хлопнула резинкой по запястью, прежде чем взяла в руки зеркальце. Залезла в рот, чиркнув по белому зубу — дыхание перехватило, пальцы на ногах сжались. Лампа над креслом светила ленивым солнцем — лучами сквозь толщу воды.

— Кариес на пятнадцатом, — заключила врач, когда подцепила зуб крючком.

Она дернулась, вздрогнула всем телом и перестала дышать — стало страшно, как было давно в детстве.

— Ну что, лечить будем? — спросила доктор, снимая крючок.

Потянулась за сверлом дрожащей рукой, так, словно сама не хотела лечить, но выбора не было.

Серезка отрезвляюще сверкнула — быстрее, чем мысль о платной медицине.

— Знаете, — начала, слезая с кресла, — было высоко, но она спрыгнула. — Я, наверное, потом как-нибудь. Не нужно.

Медсестра молчаливо проводила ее до выхода, и только у дверей улыбнулась. По-акульи, поржавевшим клыком, зазывая следующего пациента.

Художник Игорь Ломунов